

Подольский Владимир Вячеславович

соискатель кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЦЕННОСТИ ПРАВА В СТРУКТУРЕ
ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК:
ФРЕЙМ-АНАЛИЗ
И МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ**

Аннотация:

Представленная статья посвящена анализу методологической основы современных подходов к оценке правовой культуры в российском обществе, в частности принципов понимающей социологии и фрейм-анализа. По мнению автора, теория социальных представлений, концепция габитусов П. Бурдьё, а также специфика теории фреймов позволяют анализировать каждую ситуацию как конкретную интерактивную реальность, исчезающую, как только исчерпывается конкретное взаимодействие. Исследуя ситуацию взаимодействия как юридический фрейм, автор в качестве основной задачи определил выявления характеристик реального понимания агентами ситуации взаимодействия. В работе отмечается, что наличие закрепленных на подсознательном уровне коллективных представлений о ценности права как основополагающего регулятора социальных связей может рассматриваться в качестве одного из главных факторов, оказывающих влияние на эффективность правовых механизмов в среде акторов. На основе проведенного анализа автор отмечает, что основным компонентом правовой культуры является уровень осознания субъектом правовых ценностей как самодостаточной рациональной системы социальной регуляции. Ее функционирование осуществляется на базе формализованных критериев и норм, характерной чертой которых служит их значимость для всех индивидов независимо от их социального статуса.

Ключевые слова:

акторы, габитус, макросоциологические теории, паттерны, правовая культура, правовые регуляторы, социальные взаимодействия, фрейм-анализ.

Podolsky Vladimir Vyacheslavovich

External PhD student,
Philosophy and Sociology Department,
Adyge State University

**METHODOLOGY FOR STUDYING
THE VALUE OF LAW
IN THE STRUCTURE OF BEHAVIORAL
PRACTICES: FRAME ANALYSIS
AND MACROSOCIOLOGICAL
CONCEPTUALIZATION**

Summary:

The presented paper dwells upon the analysis of the methodological basis of modern approaches to the assessment of legal culture in Russian society, in particular the principles of understanding sociology and frame analysis. According to the author, the theory of social representations, P. Bourdieu's concept of habitus, as well as the specificity of the theory of frames, allow one to analyze each situation as a specific interaction that disappears as soon as a specific interaction is exhausted. Exploring the situation of interaction as a legal frame, the author defined the identification of the characteristics of the agents' real understanding of the interaction situation as the main task. The work notes that the presence of collective ideas about the value of law as a fundamental regulator of social ties, fixed at the subconscious level, can be considered as one of the main factors influencing the effectiveness of legal mechanisms among actors. On the basis of the analysis, the author notes that the main component of legal culture is the level of the subject's awareness of legal values as a self-sufficient rational system of social regulation. Its functioning is carried out on the basis of formalized criteria and norms, a characteristic feature of which is their significance for all individuals, regardless of their social status.

Keywords:

actors, habitus, macrosociological theories, patterns, legal culture, legal regulators, social interactions, frame analysis.

Стремление Российской Федерации через конституционное закрепление демократических принципов утвердиться в качестве правового государства определяет необходимость формирования независимой системы для обеспечения защиты гражданских свобод проживающего в ней населения. Реализация этих принципов неразрывно связана с повышением роли правовой культуры российского общества.

Следует отметить, что в постсоветский период российской истории предпринимались реальные шаги, направленные на создание институциональных основ правовой культуры, ориентированной на ценность самого права как регулятора системы поведения, что в обобщенном виде предполагалось, например, в усилении доверия суду, обеспечивающему утверждение права. Однако эмпирические социолого-правовые исследования свидетельствуют о том, что уровень доверия к правоохранительной системе в России недостаточно высок. Опыт взаимодействия граждан с сотрудниками правоохранительных органов резко увеличивает негативное отношение к этим структурам [1, с. 87]. Это во многом обусловлено активизацией криминальных прак-

тик со стороны самих правоохранителей. Так, Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка в своем ежегодном отчете в 2019 г. признавал, что за период с 2009 по 2018 гг. число нарушений законодательства, допущенных, например, следователями, увеличилось в 2,5 раза. При этом снижение зарегистрированных преступлений произошло в 1,5 раза [2].

В то же время эмпирические исследования по всероссийским выборкам свидетельствуют о том, что большая часть населения обходится без квалифицированной юридической помощи для решения каких-либо своих частных или деловых проблем, считая при этом, что «...интересы и права граждан никто по чисто правовым основаниям или основаниям справедливости защищать не будет» [3, с. 8].

Приверженность таким установкам свидетельствует о том, что эти факторы имеют социокультурную природу. Указанное обстоятельство требует обращения к анализу долгосрочных социокультурных факторов, оказывающих значительное влияние на правовую культуру общества, включая профессиональные группы правоохранителей.

К такого рода факторам относятся, в частности, традиционные особенности российской культуры: доминирование этической регуляции над правовой, подчиненный статус правосудия по отношению к государственной власти и ряд других. Эти явления изучаются преимущественно на макросоциологическом уровне. Между тем социальная типичность установки на «обход» права в разрешении тех или иных коллизий свидетельствует о том, что макросоциологический уровень анализа должен быть дополнен микросоциологическим, в фокусе внимания которого – изучение смыслов индивидуального поведения. Микросоциологический уровень анализа позволит выявить механизмы влияния социокультурных факторов, имеющих макросоциальный характер, посредством габитулизации – закрепления их в качестве дорефлективных «укорененных структур» культуры, определяющих мотивацию практик повседневного поведения индивидов.

Под неосознаваемым индивидуальными акторами влиянием габитусов строятся практики по соответствующим этому влиянию траекториям. По мнению П. Бурдьё, роль укорененных структур в формировании объективных систем социального поля чрезвычайно велика. В одной из своих работ он пишет: «Институция... может быть завершенной и полностью жизнеспособной лишь тогда, когда устойчиво объективируется не только в предметах, то есть в логике какого-либо отдельного поля, трансцендентной единичным агентам, но также и в телах, т. е. в устойчивой предрасположенности признавать и выполнять требования, присущие данному полю» [4, с. 112].

Исследование состояния правовой культуры современного российского общества с применением фрейм-анализа предполагает разработку специальной методологии, предназначенной адресно для этой цели. Необходимость применения фрейм-анализа обусловлена и признанием того факта, что в период институциональных реформ российское общество столкнулось с проблемами в области строительства правового государства, связанными с необходимостью утверждения верховенства закона и ростом правосознания граждан. Ослабление функциональных возможностей прежних правовых институтов, несоответствие устаревшей законодательной базы изменившимся реалиям повседневности привели к распространению правового нигилизма, коррупции и криминальных форм поведения в беспрецедентных масштабах. Нам представляется, что культурной основой этих явлений стало социокультурное наследие исторического прошлого, прежде всего – дорефлективные ограничения самоосознания социальных агентов в определенных ситуациях повседневного взаимодействия.

Исследование правовой культуры современных россиян в предметном поле социологии, как нам представляется, будет продуктивным при совмещении ряда методологий, единых в том, что они исходят из приоритетной значимости дорефлективных социокультурных оснований повседневных взаимодействий. Это комплекс методологий, генетически происходящих из понимающей социологии М. Вебера и требующих принципиального сосредоточения исследователя на субъекте и его мотивациях, целях, ценностях, когнитивных паттернах, социальных представлениях, интерпретациях. Мы полагаем, что эти методологии совместимы в рамках одного и того же исследования и их следует использовать именно в комплексе.

Таким образом, методологической базой настоящего исследования должен быть комплекс концептуальных подходов, работающих на принципах понимающей социологии, а именно – теория социальных представлений, концепция габитусов П. Бурдьё и фрейм-анализ.

Первые два компонента методологического комплекса необходимы, чтобы восполнить недостающие элементы макросоциологического анализа и обеспечить полноту рассмотрения того, что в терминологии фрейм-анализа получило название первичной системы фреймов. Нам представляется, что доступ к его исследованию может осуществляться в системе неосознаваемых интерпретативных паттернов, лежащих в основе определения частной ситуации. Эти паттерны можно сопоставить с габитусами в концепции П. Бурдьё, согласно которому габитус есть «...система схем восприятия и оценивания, ...когнитивные и развивающиеся структуры, которые

агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и их восприятия и оценивания. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой был сформирован габитус. Вследствие этого он производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла» [5, с. 62]. Однако в отличие от П. Бурдьё, в методологии которого существенную роль играл классовый подход, предполагающий исследование стратификационно обусловленных различий габитусов, основоположник фрейм-анализа И. Гофман ориентирует методологию на исследование состояния целого (социума) через анализ индивидуального. В работе «Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта» он писал: «Мое внимание сосредоточено не на структуре социальной жизни, а на структуре индивидуального опыта. Лично я полагаю общество первичным во всех отношениях, а любое участие в нем индивидов – вторичным, поэтому в данной работе рассматриваются исключительно объекты второго порядка... Развиваемый здесь подход не улавливает разницы между благополучными и обездоленными классами и, можно сказать, отвлекает внимание от подобных вопросов» [6, с. 147].

Таким образом, микросоциологическая направленность фрейм-анализа не противоположна макросоциологическим исследованиям, как представляется поверхностному взгляду, а характеризует изучение повседневных взаимодействий, скорее, как рассмотрение макросоциальных феноменов сквозь призму преломления их в индивидуальных повседневных взаимодействиях.

Следует отметить, что современная российская социология по преимуществу сохраняет макросоциологические установки, в чем, возможно, демонстрирует сохраняющуюся инерцию, заложенную в период доминирования марксистской теории. Тем не менее насущность разрешения дилеммы «микро» и «макро» в социологии давно назрела, что признают современные теоретики. Например, Б. Латур, подвергая критике эти крайности, пишет: «...Понятие локального взаимодействия так же малореалистично, как и понятие глобальной структуры» [7, с. 283].

Необходимость разрешения традиционной дилеммы осознают и отечественные социологи. В частности, В.А. Ядов отметил тенденцию к методологической интеграции макросоциологического подхода и исследований взаимодействий повседневности, свидетельствуя о введении в современный научный оборот понятия «миксметодология», объединяющего элементы и того и другого. В качестве возможного связующего звена в этом контексте упоминается и теория фреймов. Исследовательская группа под руководством В.А. Ядова осуществила успешную попытку такого методологического «микса» фрейм-анализа с макросоциологическими теориями [8].

Специфика теории фреймов определяется тем, что она позволяет увидеть частную ситуацию как реальную данность повседневности, конкретную интерактивную реальность, которая исчезает, как только исчерпывается конкретное взаимодействие. Однако генетическая преемственность Гофмана и понимающей социологии находит проявление в том, что формирование фреймов, обладающих непродолжительным существованием, имеет основание в некоем идеальнотипическом прообразе, общем для множества частных ситуаций взаимодействия и определяемом господствующей культурой.

Напомним, что в теории Гофмана фреймы дифференцируются на первичные и вторичные системы [9, с. 4]. Под первичной системой фреймов понимаются «культурные инварианты, устойчивые во времени базовые образцы опыта социальной группы», зафиксированные культурой: «Они конституируют центральный элемент культуры, порождают образцы человеческого понимания» [10, с. 6]. Как отмечает О.И. Горяинова, на основе таких инвариантных культурных образцов формируются вторичные системы фреймов, которыми оперируют индивидуальные акторы в повседневных взаимодействиях. Культура в ее диахронных измерениях есть среда, обеспечивающая акторов идеальнотипическими конструкциями, образующими базу конструирования фрейма.

Другой отечественный исследователь – О.Н. Яницкий – также делает попытку соединить фрейм-анализ и социокультурные исследования. Он рассматривает фрейм как своего рода опосредующее звено, соединяющее когнитивный схематизм и культуру. В его понимании фрейм представляет собой доминирующий коллективный взгляд на мир, рамки которого могут и осознанно задаваться идеологами социальных движений [11]. Ссылаясь на работу Д. Сноу и Р. Бедфорда, О.Н. Яницкий трактует фрейм как когнитивную схему, обеспечивающую упрощенную интерпретацию социальной действительности посредством выборочного акцентирования и специфического кодирования «объектов, опыта и последовательности действий в среде их прошлого и настоящего обитания» [12, с. 135]. При этом они непосредственно коррелируют с базовыми компонентами культуры – коллективными ценностями и целями. Роль фрейма здесь заключается в «стабилизации» когнитивного процесса посредством наложения на него рамок упрощающей интерпретации.

В свою очередь, закрепленные на неосознаваемом уровне коллективные представления о высокой или заниженной ценности права как базового регулятора социальных взаимодействий образуют идеально-типическую рамочную структуру, в границах которой формируются и находят частное выражение осознанные интерпретации акторов, вовлеченных в ситуации взаимодействия. Нам представляется, что наличие таких неосознаваемых границ может рассматриваться как главный фактор, влияющий на эффективность правовых регуляторов, смысловая оптика которых определена идеально-типическими рамками.

В то же время в качестве одного из выводов данной работы можно отметить то, что основой правовой культуры является степень осознания субъектом высокой ценности права как самодостаточной рациональной системы социальной регуляции. Ее функционирование осуществляется на базе формализованных критериев и норм, важнейшей характеристикой которых выступает их общая значимость для всех лиц независимо от их социального или имущественного статуса, возраста, пола, национальной принадлежности. Этим право радикально отличается от других социальных регуляторов, в частности морально-этических, которые действуют в культуре в условиях снижения эффективности моральных санкций.

В то же время массовое сознание россиян демонстрирует тенденцию к моральному обоснованию вседозволенности в условиях конфликта между широко распространившимися достигательными и потребительскими ценностями и традиционной для отечественной культуры этикой самоограничения. Парадокс этого положения в том, что уровень моральной требовательности населения к характеру повседневных практик существенно снизился, но в то же время этикоцентрический тип правовой культуры, ориентирующий на справедливость вместо законности, сохраняется, т. к. обусловлен действием долговременных кодов российской культуры.

Указанное противоречие, как нам представляется, находит выражение в неосознаваемых коллективных представлениях россиян, являющихся интерпретативной базой их правовой культуры.

В качестве еще одного вывода мы предлагаем предположение о том, что представления современного среднестатистического россиянина о праве и его реальной регулятивной роли в обществе включают в себе ряд противоречий. На уровне поверхностных воспринятых когнитивных представлений осознаются необходимость важнейшей значимости права в современном обществе, насущная потребность общества в эффективной формально-правовой регуляции повседневных взаимодействий, важность повышения правовой культуры и правовой компетентности агентов.

В то же время эти представления носят неглубокий и декларативный, местами даже осознанно презентационный характер. Это связано с существующим в современном российском обществе лагом между утратившими реальную эффективность в качестве регуляторов ценностями и нормами и не коррелирующими с ними практическими нормами повседневного взаимодействия. В силу этого лага агенты обладают на нерефлексивном или также и на рефлексивном уровне пониманием того, что в сфере повседневных социальных взаимодействий право не выступает реальной ценностью – не обеспечивается соответствующим значимым отношением, а также не обладает реальной безусловной эффективностью как реальный социальный регулятор. Оно, однако, может быть эффективным в качестве регулятора при наличии определенных специальных условий, однако этого недостаточно для того, чтобы рядовые агенты социальных взаимодействий воспринимали право, закон как действительно эффективный регулятор, который следует всегда принимать в расчет в повседневных взаимодействиях.

Описанное положение дел придает презентационный характер и правовой культуре, что выражается в том, что правомерное поведение в повседневных ситуациях не только не является социально премированным, но и постоянно обесценивается востребованностью и вознаграждаемостью в ситуационных взаимодействиях лиц с низкой правовой культурой, легко практикующих иллегальные обмены. Однако условием поддержания среды неформальных обменных взаимодействий остается наличие имитационно-презентативного компонента, который обеспечивает официальный «фасад» институционализированных практик. Важную часть этого «фасада» составляют право и презентационное правомерное поведение, связанное с принятием официальных правовых норм.

Таким образом, реальная ценность права в обществе может оставаться низкой, и это находит проявление в повседневных взаимодействиях, когда агенты определяют свою ситуацию как подлежащую регуляции посредством неформальных правил («по понятиям»), но обретающую социальное оправдание в терминах этики («по справедливости»). Своеобразие такого правоупонимания в действительности во многом сходно с коллективными представлениями, вызревшими в недрах криминальной субкультуры, когда «понятия» составляют неписаный кодекс, репрезентирующий именно «справедливость». О распространении в некриминальной среде психологии и языка, прежде присущих криминальному миру и составлявших его отличительную особенность, много говорилось и писалось в 1990-е гг. в контексте исследований характерного для начального периода реформ ослабления правовых институтов. Этот немаловажный факт свидетельствует о формировании специфической коммуникативной однородности, проявляющейся на уровне повседневных взаимодействий.

Ссылки:

1. Зоркая Н.А., Кочергина Е.В. Гудков Л.Д. Насилие в правоохранительных органах: конфликты, давление, пытки // Вестник общественного мнения. 2019. № 1-2 (128). С. 86–123.
2. О состоянии законности и правопорядка в 2018 году и о проделанной работе по их укреплению: доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки 10 апреля 2019 [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ: официальный сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-1590662/> (дата обращения: 26.07.2020).
3. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010, № 4. С. 8–43.
4. Бурдые П. Практический смысл. СПб., М., 2001. 562 с.
5. Цит. по: Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002. 285 с.
6. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. ; под ред Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М., 2004. 752 с.
7. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. 128 с.
8. Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана. (По следам дискуссий при разработке исследовательского проекта) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. 2011. URL: <https://www.is-ras.ru/publ.html?id=2024> (дата обращения: 21.08.2020).
9. Горяинова О.И. Культура повседневности в контексте методологии культурологического познания [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2015. № 1. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/34.html&j_id=2.
10. Цит. по: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. 304 с.
11. Яницкий О.Н. Социальные движения и теория фрейминга. М., 2013. 360 с.
12. Snow D., Benford R. Master Frames and Cycles of Protest // *Frontiers in Social Movement Theory* / in Morris A., Mueller C. eds. L., 1992. P.133–155.

Редактор: Фетисова Ирина Викторовна
Переводчик: Бирюкова Полина Сергеевна